

Двери больше не нужны ★

АРТЕФАКТОРЫ

ЕКАТЕРИНА СОБОЛЬ

Екатерина Соболев
Артефакторы. Двери
больше не нужны
Серия «Артефакторы», книга 3
Серия «Охотники за мирами»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73019217
ISBN 978-5-04-236226-2

Аннотация

Город, который лишь кажется Санкт-Петербургом, уже не спасти. Магические двери разрушают его с невиданной яростью, охота за бесценными артефактами стала еще более жестокой. Злодей по прозвищу Гудвин начал свою последнюю партию, и ему нет дела, сколько жертв она за собой повлечет.

Но в этом раунде два игрока. Девушка, у которой отняли все, даже воспоминания, вернется, чтобы бросить вызов врагу. Ее любимый готов на все, чтобы помочь ей, но вот беда: она забыла и его тоже. Можно ли влюбиться в того же человека второй раз? И что важнее – спасти любовь или мир, который рушится?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Екатерина Соболев Артефакторы. Двери больше не нужны

Пролог

Финал – вот что главное в историях, из которых состоит жизнь. Вспомнишь кого-нибудь из своего прошлого и думаешь: «Знать бы в ту нашу встречу, что она была последней». Праздники часто обозначают окончание чего-нибудь: старого года, учебы в школе, холостяцкой жизни. Так мы запоминаем момент, когда перешагнули невидимый порог и попали из одной эпохи в другую.

Но друзья и любимые часто уходят без торжественного прощания. Например, двое сближаются, затем один из них покидает город, обещая, что скоро вернется. Идут недели, и тому, кто остался, кажется, что от него осталась лишь оболочка, наполненная ожиданием. Вероятно, так чувствовал себя Малыш из детской книжки: вырослел, делал все, что должен, и ждал, ждал, когда вернется Карлсон и они снова будут играть вместе. Но небо за окном оставалось пустым, и не у кого было выяснить, чем занят далекий друг.

Неизвестность хуже всего. Каждой истории нужен финал,

даже если он печальный.

Август выдался поразительно мокрым – Антону казалось, природа впала в то же уныние, что и он. Солнце, недавно торчавшее над головой круглыми сутками, выплывало из-за горизонта все позже, лениво подсвечивая дождевые тучи. В первые недели после ухода Тани Антон просыпался бодрый – может, она уже здесь? – но вера таяла вместе с длиной светового дня.

В то утро, когда что-то в его застывшем мире наконец изменилось, он проснулся от сигнала почталлиона. Адрес, сиявший на экране, обещал сложности, на часах было шесть утра, за окном – хмурая серость. Хотелось снова уснуть, а потом соврать, что не услышал сигнал, но Антон угрюмо натянул куртку прямо на футболку для сна и поехал на вызов. Работа была единственным делом, в котором он не чувствовал себя неудачником. Если не справится даже с ней, это будет началом конца.

Из машины он вылез на Дворцовой набережной – и ошарашенно подумал, что конец, похоже, близок вне зависимости от его рабочего настроения.

Вот уже пятнадцать лет в городе то и дело открывались призрачные двери, сотканные из голубого сияния, похожего на огонь газовой плиты. Куда они ведут, никто не знал, да городскую Стражу это и не волновало, главное – вовремя закрывать их. В последнее время двери стали злее, ломали асфальт или землю под собой, едва открывшись. Но сегодня...

Дверь, которая скрывалась где-то в Летнем саду, не злилась. Она... была в ярости.

Асфальт вибрировал так, словно под ним работает исполнинская дрель. Ветра не было, но сквозь влажную дымку, окутавшую Неву, Антон разглядел мелкие суетливые волны, бегущие наперегонки. Таких дверей он еще не встречал: открылась минут десять назад, а уже готова разнести и сад, и набережную, и дно реки.

Лучший способ бороться со страхом – не думать, что делаешь. Летний сад был еще закрыт, на воротах висел замок, и Антон полез через решетку, ощущая, как дрожь земли отдается в стальных прутьях.

По пустой набережной разнесся визг шин. Антон насторожился, уверенный, что прикатили бандиты из Клана, но это оказался Вадик, коллега из Стражи.

– Что за... – Вадик вылез из машины и сразу почувствовал вибрацию земли. – Там дверь размером с триумфальную арку? Антош, почему в неприятности вечно вляпываешься именно ты?

Антон молча перемахнул через острые пики, украшавшие верх решетки, и приземлился в саду. Вадик с кряхтением полез следом, бормоча, как ненавидит подтягиваться, да и вообще любой спорт.

Статуи вдоль главной дорожки белели в тусклом утреннем свете, листья шуршали, хотя ветра по-прежнему не ощущалось. Все вокруг казалось хрупким, игрушечным. Хоть бы

поскорее найти дверь! Почталлион туманно обозначил место ее открытия как «Летний сад». Антон не любил вызовы, на которых дверь приходится не только закрыть, но и найти, а уж сегодня такое было особенно некстати. Вадик за спиной топал как слон, продолжая ворчать.

– Чего ты вообще приперся? Не твой округ, – на бегу выдохнул Антон, приглядываясь, не блеснет ли где-то знакомое голубое сияние.

– Да я снова в ночную смену вышел. – Вадик еле переводил дыхание. – Деньги коплю, хочу квартиру снять. Удобно было жить у Беллы, но у нас же теперь вечно Павел Сергеевич торчит. Чувствую себя третьим лишним, хотя вообще я за них рад. Совет да любовь нашим старичкам!

Нелепо вести такие разговоры, когда земля под ногами дрожит, словно Летний сад вот-вот провалится в тартарары, но Вадика это не смущало.

– Короче, сижу я в Страже, дремлю, – и тут сигнал. Смотрю на карту, думаю: о, Летний сад. А кто у нас в Дворцовом округе работает? Никого! А где никого, там наш супермен, который взял бесхозные округа себе. Решил съездить, составить тебе компанию, ты же... Ой, ну притормози немного, дай подышать!

Остаток фразы потонул в грохоте. Вдалеке с душераздирающим треском упало дерево, по пути цепляясь кроной за соседей. Антон сразу рванул туда: хоть направление поисков прояснилось.

Дверь нашлась около Кофейного домика – старинного желтого павильона, где во времена Достоевского было кафе, а теперь хранили садовый инвентарь. Приоткрытая, сотканная из мерцающего сияния, все как обычно, вот только... Такого насыщенного цвета Антон еще не видел. Дверь казалась не голубой, а синей, и это было, пожалуй, красиво, вот только земля на сотню метров вокруг выглядела так, словно ее рыхлили бульдозером. Кофейный домик просел всей левой стороной – видимо, треснул фундамент. Деревья угрожающе пошатывались, почва под ними крошилась, корням стало не за что уцепиться. Антон успел пробежать еще пару шагов, потом ноги начали проваливаться, как в болоте.

– Никогда не видел, чтобы дверь так буянила, – констатировал очевидное Вадик. – Но закрыть надо, иначе...

Хрустнуло дерево, Антон зажмурился, понимая, что отскочить не успеет – но оно приземлилось в стороне, обдав его острым запахом переломанных веток. Антон начал осторожно пробираться дальше, стараясь не смотреть вверх. Если не справится с закрытием, грош ему цена, а помереть на работе, спасая Летний сад, – не худший финал. Однажды Таня все же вернется, спросит о нем, и ей скажут: «Он героически погиб на вызове. Мы уверены, что протянул бы подольше, если б ты ему сердце не разбила. Да где ты была все это время?!»

– Отойди подальше, сам сделаю, – буркнул он Вадиду, который двинулся было за ним.

Антон забрался на поваленное дерево, пробежал по нему – так удобнее, чем идти по зыбкой неверной почве. Переждал оглушительное падение еще одного дерева. То ли слез, то ли упал в рыхлую развороченную землю. Комья лезли в рот, но он упрямо пополз к двери. Прямо под ней был разлом, уходящий так глубоко, что передвигаться получалось только цепляясь за спутанные корни на краю. Антон осторожно разжал одну руку и нащупал в кармане ключ.

– Держись! – крикнул Вадик.

Рядом еще что-то упало, Антон почувствовал это всем телом, но оглядываться не стал. Какой смысл? Переждал и двинулся дальше.

Призрачный прямоугольник сиял прямо в воздухе, ему-то опора не требовалась. Оказавшись под ним, Антон кое-как подтянулся выше, вставил ключ в замочную скважину и повернул. От ключа во все стороны прокатилась волна сияния, и дверь растворилась без следа. Дрожь земли сразу улеглась, но... Он втянул голову в плечи, когда рухнуло еще одно дерево – и снова даже не оцарапало его. Видимо, героически погибнуть сегодня не судьба. Антон выполз из оврага, оставленного дверью, и без сил растянулся на земле, покрытой мешаниной из выдранной травы, корней и палых листьев.

– Молодец. – Вадик добрался до него и дружелюбно пихнул носком ботинка. – Я чуть не поседел! Что за адские ворота?! Зато глянь-ка...

Вадик нашарил среди комьев земли артефакт. Похожий

на спичечный коробок, он горел тем же ослепительно синим светом, что и исчезнувшая дверь.

– Не встречал таких ярких. Небось мощный, зараза, как... Оп, валим отсюда!

Вадик глянул вверх и рывком потянул Антона за собой. Тот послушно тащился следом, уже и не вздрогнув, когда за спиной с громким «вш-ш-шух» шмякнулась береза.

Они обогнули несчастный Кофейный домик и оказались на набережной Фонтанки. Еще вчера сюда было бы не попасть, но решетку, отделявшую сад от набережной, повалило, и к воде теперь можно было свободно выйти. Что Антон и сделал – навалился грудью на парапет, глубоко вдохнул и понадеялся, что его не вывернет.

Но когда он огляделся, стало только хуже – потому что он вдруг узнал место, где они стояли.

– Что с лицом? – тут же спросил Вадик.

Перед ними Фонтанка, на другом берегу – желтое здание суда с белыми колоннами. В феврале на льду реки открылась призрачная дверь, и Таня, как раз впервые попавшая в город, ее закрыла. Антон уставился вниз, на тускло-серую воду. Вот тут и была дверь, а стоят они прямо напротив места, где он помог Тане спуститься на лед. Как же мало времени они провели вместе: два дня в феврале, два дня в июле, вот и все, что у них было.

– Говори уже, – велел Вадик, облокотившись на парапет рядом. – Хотя нет, дай-ка угадаю. Опять про нее думаешь?

– Про кого? – возмутился Антон, сам понимая, что голос звучит фальшиво.

Он не заводил разговоров о Тане с тех пор, как та ушла, но Белла с Вадиком его в покое не оставляли – им что, сплетничать больше не о ком?

– Извини, что вмешиваюсь в твой тонкий душевный мир, но все-таки еще разок скажу: забудь эту девчонку. Когда ты о ней думаешь, у тебя лицо тупеет. – Вадик изобразил перекошенную физиономию, в которой Антон себя не узнал. – Да, я тоже надеялся, что она вернется, пригодилась бы нам, с ее-то способностями, но, может, оно и к лучшему? Не ты ли говорил, что она продажная злодейка и верить ей нельзя?

– Тогда я ее плохо знал.

– Ой, а потом за пару дней узнал! Может, первое впечатление было верным?

Антон обернулся на Кофейный домик, прикидывая, как удобнее скрыться: по набережной или через полосу препятствий на месте двери. Лучше второе – может, Вадик за ним не полезет. Но тот, похоже, уловил ход его мыслей и предупредительно наступил на ногу.

– Куда собрался? Я не закончил.

Настолько злым тоном Вадик говорил нечасто. В такие моменты Антон вспоминал, что этот нечесаный ворчун с серьгой в ухе вообще-то на два года старше его.

– Я же за тебя, Антох! – Вадик смягчился, но ногу с его кроссовки не убрал. – Сам подумай: Таня твоя подозритель-

но всемогущая. Дважды являлась в город через двери – вот эти, призрачные, через которые и пройти-то невозможно! Потом мы узнали, что она трюкачка с даром сильнее всех известных. Потом – что она дочь самого Гудвина, главного городского мафиози. Потом – что она может не только закрывать двери голыми руками, но и открывать новые, а это вообще безумие. Дальше, по твоим словам, она сама создала дверь, наплела тебе, что вернется, и вышла через нее. Не похоже, что у вашего романа грянет хеппи-энд.

– Не было никакого романа!

– Ой, ну ты-то не возражал бы, я тебя насквозь вижу. Радуйся, что она скрылась: эта акула сожрала бы такого лопуха, хрустя костями.

– У лопухов нет костей. И она не такая, – сказал Антон, хотя планировал молчать, пока фонтан красноречия Вадика не иссякнет. – Если не вернулась, значит, не смогла.

– Ха. Она способна, считай, на все. Если не вернулась, значит, не захотела. До тебя не доходит, да? Понимаю, тебя бросили, обидно, ты ходишь унылый, но твоя Танемания до добра не доведет. Говорят, любовь делает всех лучшей версией себя – ничего об этом не знаю, но, глядя на тебя, не особо верится. Новая версия тебя, которая вся в мыслях о залетной трюкачке, – еще хуже, чем старая. Давай напьемся, послушаем кассету типа «Самые грустные песни», и ты выбросишь ее из головы?

Вадик то теребил сережку в ухе, то зачесывал назад воло-

сы, то взмахивал руками – видимо, давно у него накипело. Антон сделал вид, что изучает пейзаж на другой стороне реки. Он всю жизнь держался от людей подальше, и говорить о чем-то настолько личном было физически неприятно. Если сейчас резко вырвать ногу из-под придавившей ее ноги и броситься влево...

– Ну? – Вадик снова разгадал его маневр и больно надавил ладонью Антону на загривок, впечатывая грудью в парапет. – Будешь опять отмалчиваться – я тебе врежу. Надоело.

– Да с ней что угодно могло случиться! – сдался Антон. – Гудвин мог найти ее, применить снежинку, как и планировал. Мог и убить ее, он...

– Она же его дочь, не сделал бы он ей ничего! А еще, знаешь... Может, твоя трюкачка была не решением наших проблем, а еще худшей проблемой? Заметил, что двери за последний год стали злее? После ее визитов! А теперь и вообще. – Вадик мрачно указал подбородком на просевший Кофейный домик. – Может, это тоже из-за нее.

Антон хотел возразить, но снова глянул на воду и умолк. Яростная, невиданно опасная дверь открылась прямо рядом с местом, которое для него навсегда связано с Таней. Наверное, просто совпадение, но вдруг... Чтобы не смотреть на Фонтанку, Антон развернулся к ней спиной, пользуясь тем, что Вадик все же убрал ногу с его ноги и ладонь с его затылка.

– Она излечила город, не забыл? – Антон прислонился

бедрами к парапету, глядя на поваленные деревья. – Исправила все разрушения, причиненные дверьми. Отняла у Гудвина власть и вернула ее Страже.

– Ага, за полчаса до ухода. Вот такой прощальный подарок. Что лишний раз доказывает: возвращаться сюда она не планировала.

Прозвучало разумно. Вадик, не услышав возражений, заговорил громче.

– Она же сказала: наш город – что-то вроде копии настоящего Петербурга. Стараюсь об этом не думать, чтобы не рехнуться, но лично я выбрал бы настоящий мир, а не какое-то гиблое местечко со странной магией.

Антон подавленно молчал. Что, если первое впечатление и правда было верным? Таня казалась ему практичной, бесстрашной и хитрой. Дальше он растаял, поверил, что они понимают друг друга как никто – а может, она нарочно заставила его так думать. В груди заныло. Поэзия всегда помогала ему в сложные моменты, но сейчас вспомнилось стихотворение, от которого стало совсем паршиво. И все равно он прочел его вслух, чтобы Вадик оценил талант Киплинга.

– Жил-был дурак. Он молился всерьез

(Впрочем, как Вы и Я)

Тряпкам, костям и пучку волос —

Все это пустою бабой звалось,

Но дурак ее звал Королевой Роз

(Впрочем, как Вы и Я).

Антон умолк, и Вадик торжествующе посмотрел на него.

– Я же говорил: она тебе нравится. Но знаешь что? Внемли моей мудрости, раздаю ее бесплатно, как солнце – лучи. Любовь – штука, которая целиком зависит от ситуации. Вы с Таней пережили всякие приключения, и, будь на ее месте другая девчонка, ты бы тоже запал. Нет никаких великих сил, которые тянут людей друг к другу – все это глупость. Два человека в подходящих обстоятельствах, бум, любовь! – Вадик щелкнул пальцами. – Ну, а потом ты спасешь какую-нибудь красотку от падения за дверь и про Таню сразу забудешь. А Таня твоя устроится работать в офис и увлечется парнем, который окажется за соседним столом и вовремя поднимет ей упавший ластик. Соображаешь? Найди новую девчонку. Ты, конечно, зануда, но рост тебе в плюс. Пользуйся им на зависть нам, коротышкам.

– Я... – начал Антон.

Поддержка Вадика пробила брешь в его антисоциальной обороне, но сказать главное все равно было трудно. Горло протестующе сжалось.

– Я ее поцеловал. Таню. Перед тем, как она ушла. А она, ну, не ответила. Просто стояла, потом что-то забормотала и отстранилась. И вышла за дверь.

– Так с этого надо было начинать! Лох ты педальный, Антон. – Вадик сжал переносицу. – Не мог еще тогда сообразить, что ты ей не нравишься и она не вернется? Сберег бы

себе нервные клетки, на работе пригодятся!

Как ни удивительно, стало легче – и от выданного секрета, и от того, что Вадик произнес вслух то, о чем Антон и сам часто думал. Он постоял, смакуя грусть, а потом не сдержался и дочитал стихотворение про незадачливого влюбленного болвана.

– Что дурак растранижил, всего и не счесть
(Впрочем, как Вы и Я) —
Будущность, веру, деньги и честь.
Но леди вдвое могла бы съесть,
А дурак – на то он дурак и есть.

– Вот-вот. Золотые слова, – вздохнул Вадик. – Ну и все, давай о деле. Сколько у тебя осталось этих крутых ключей? Один?! Что бы ты без меня делал. Ни по душам поговорить, ни дверь закрыть... Надеюсь, вот таких дверей мы больше не увидим.

К сожалению, он ошибся. А вот насчет Тани – опять-таки к сожалению – оказался прав.

Сокрушительные ярко-синие двери вроде той, что разнесла Летний сад, прозвали бешеными. Они наносили такой ущерб нервам горожан, улицам и зданиям, что обычные голубые двери Стража теперь воспринимала как праздник.

За ближайший месяц один стражник вывихнул ногу, закрывая бешеную дверь в Доме мод, другого приложило по

голове куском лепнины в кафе около Московского вокзала. Поводов для тревоги у всех было полно, но у Антона имелся дополнительный, которым он ни с кем не поделился.

В Доме мод Таня когда-то рассказала ему, что Гудвин ее отец. В кафе около Московского Антон угощал ее завтраком. Другие бешеные двери открылись в Саду Сен-Жермен (прощай, фонтан с каменной девушкой), на улице Чайковского (там рухнула стена здания) и в Мозаичном дворике (от пары мозаик осталась груда цветных осколков). Антон уже не понимал, то ли это игра воображения, то ли все места, где открываются бешеные двери, правда связаны с Таней.

На единственном городском радио каждый день обсуждали, по какому принципу открываются новые опасные двери и где ждать следующую. Теорией было полно, но Антон втайне держался за свою: Таня, где бы она ни была, пытается уничтожить каждый угол города, где ступала ее нога. Пора бы начать волноваться за здание Стражи и собственную квартиру.

Правда, дома он теперь бывал редко, спал в машине, чтобы поскорее добираться на вызовы. Дни слились в одни бесконечные сутки, где он, как заведенный, закрывает двери: и бешеные, и обычные. В этом деле Антон дошел до храбрости, граничащей с идиотизмом, лез в любую опасность и не получал ни царапины.

Его даже пригласили на радио как городского героя, но было так стыдно перед посеревшими от ужаса, притихшими

горожанами, что он не пошел. Возможно, все они погибнут, а от их домов останутся руины – из-за девушки, которой он однажды поверил. Вряд ли людям хотелось услышать именно это, так что Антон отправил вместо себя Вадика и слушал его эфир, фыркая от смеха. Вадик глотал слова от волнения, десять раз повторил, что Стража все держит под контролем, и назвал свой домашний номер телефона, призвав свободных девушек звонить ему в любое время.

Номер у Вадика теперь был собственный – денег на съем квартиры он таки заработал, – и Антону было приятно, что хоть кто-то исполнил мечту. Сам он к концу октября от усталости и безнадёги будто заледенел. Столько всего было разрушено, столько людей лишились крова. Один из последних оставшихся в Страже трюкачей погиб. Антон взял себе еще и его район, так что отвечал уже за половину городского центра и с ностальгией вспоминал времена, когда был стражником маленького Литейного округа.

Только одно чувство в его душе еще не погасло: отчаянное желание сделать глупость. И он ее сделал.

Оказалось, Гудвин теперь обосновался в доходном доме Вавельберга на углу Невского и Малой Морской. До эпохи призрачных дверей здесь был роскошный отель, но потом связь с внешним миром оборвалась, и без туристов отель загнился. Антон годами ездил мимо мрачного особняка, уверенный, что тот заброшен, – а вот, оказывается, кто в тере-

мочке живет.

Вход тут был как в средневековой крепости: наглухо запертая дверь под сводами каменной арки, перед ней – статуя льва, держащего одной лапой щит, второй меч. Подойдя ко льву, Антон решил, что он местный охранник: щит украшало изображение открытого глаза и латинская надпись «*Statiātōg*». Антон, как занудный любитель чтения, перевел без проблем: «Остановись, путник».

Прошлое обиталище Гудвина было окружено всеми видами магической защиты, так что льву Антон не удивился, просто напряженно замер перед ним, не решаясь обойти. Меч выглядел настоящим – и подозрительно острым. Лев пронзает им незваных гостей или это просто способ нагнать страху?

Антон постоял, обдумывая, как лучше проникнуть внутрь. Окна забраны решетками, да еще и фанерой заколочены. Может, влезть по колонне на второй этаж... Но тут глаз, нарисованный на щите льва, моргнул, и лев с каменным скрежетом отъехал в сторону. Приглашение войти? Антон направился к двери, подозрительно косясь на льва.

Внутри оказался шикарный холл. Потолок с лепниной, повсюду мрамор, лампы, гигантские кресла – словом, холодная гостиничная роскошь. Изнутри окна заколоченными не выглядели: вместо фанеры чистейшие стекла. А в одном из кресел, удобно откинув голову на спинку, сидел Гудвин. Когда Антон шел сюда, он воображал, что будет искать его по всему зданию, пока за ним гоняется охрана, а тут... Все ока-

залось слишком просто.

Подчиненные Гудвина охотились за мощными синими артефактами, которые появлялись из бешеных дверей: стаей окружали любого приехавшего на вызов стражника, отбирали добычу. Гудвин нанял столько новых работников, что они патрулировали город круглыми сутками, но Антон все равно дрался с ними за каждый артефакт и даже иногда выигрывал.

В общем, у Гудвина не было повода встречать Антона такой довольной улыбкой, но вот, пожалуйста. Тот, кто считал себя хозяином города, выглядел расслабленным и довольным. Одет уютно и дорого, обувь идеально чистая.

– Думал, ты придешь раньше, – весело сказал Гудвин. – Впрочем, некоторые дети так и не вырастают. Все еще боишься меня, трусливый лев?

Сердце у Антона забилося сильнее. Не от оскорбления, на него было наплевать. Раньше гнев охватывал его по любому поводу, но в последнее время на злость не хватало сил. Просто он сразу понял, что Гудвин имеет в виду: «Я думал, ты придешь, когда Таня исчезла». Антон не струсил, просто и себе-то не хотел признаться, как скучает по ней.

– Когда я понял, что Таня больше не в городе, я был уверен, ты прибежишь ко мне грозиться, задавать вопросы, – продолжил Гудвин. – Наверняка решишь, что я ей как-то навредил. Но ты не показывался, я был удивлен.

Значит, все-таки это не Гудвин помешал ей вернуться. А может, сейчас он просто врет.

– На ней свет клином не сошелся. – Антон сунул руки в карманы куртки. – У меня было полно других проблем.

– Так почему пришел сейчас? Я заинтригован, даже снял защиту здания и впустил тебя. Мой сказочный тезка исполнил желания, и я готов выслушать твое – вряд ли ты явился любоваться интерьером.

– Мне нужен артефакт, с помощью которого можно самому открыть призрачную дверь и выйти в нее. Точнее, два: второй – чтобы потом вернуться в город, – как можно спокойнее сказал Антон. – Я знаю, эти артефакты существуют. Вы дали мне такой в феврале, чтобы избавиться от Тани.

Оказалось, прожженного хитреца Гудвина еще можно удивить.

– Каждый знает: из-за дверей не возвращаются, – напряженно проговорил он и попытался сесть удобнее.

– Ну, вы много раз как-то выходили и возвращались.

То, что Антон это знает, Гудвина неприятно поразило.

– Я – особый случай.

– Может, и так. Но одно я знаю точно: за дверьми не смерть. Там то, что Таня называла реальным миром, – невозможно ответил Антон. Выбить Гудвина из колеи оказалось приятно. – Оттуда она приходила и туда ушла. Наш город – что-то вроде копии их Петербурга.

Гудвин аж подлокотники сжал.

– Я смотрю, тебя эта новость не очень-то беспокоит, – процедил он.

– Ну да. Давайте к сути дела: если у меня будет артефакт, способный создать дверь, я правда смогу безопасно выйти отсюда? А в том мире он сработает? Я смогу вернуться?

– В теории – трижды да, – сквозь зубы проговорил Гудвин: еще не пришел в себя оттого, что какой-то шкет знает главный секрет их города. – Если это из-за Тани, то...

– Нет, не из-за нее.

– О... – Гудвин с облегчением откинулся на спинку кресла. Разговор свернул в понятное ему русло. – Все еще надеешься найти мать?

– И найду. – Голос предательски дрогнул, но Антон продолжил: – Она тоже там, верно? Где-то в... реальном мире. Я много об этом думал. Наш город разваливается, скоро двери окончательно его разнесут, и все мы сдохнем. Так что я хочу исполнить свое единственное желание – еще раз увидеть маму.

Гудвин расплылся в улыбке. Самообладание возвращалось к нему прямо на глазах. Ради матери Антон сделает все, Гудвин не раз этим пользовался и явно решил выжать из ситуации все.

– Предположим, у меня есть парочка таких артефактов. Что я получу, если отдам их тебе?

Антон вытащил из кармана куртки бархатный мешочек для украшений. Вытряхнул на ладонь три ярко-синих артефакта. Сияние было таким ярким, что отбросило блики на стены.

– Вас же только артефакты интересуют, а те, что появляются из бешеных дверей, самые мощные. Не знаю уж, кому и как вы их продаете, но уверен, они дорого стоят, – пробормотал Антон, разглядывая сотканые из синего света вещицы на ладони: пробку от шампанского, булавку и деталь от пазла. – Эти три не изучены, их свойств я не знаю. Отдам их вам за два артефакта выхода.

– Ты украл их из Стражи? Ты? – не поверил Гудвин, но на артефакты смотрел жадно, заглотив наживку как миленький.

– Нет, я крал их прямо там, где закрывал двери, – невесело усмехнулся Антон. – На работе говорил, что не удалось достать, затерялись среди обломков здания, или моста, или дороги. Там такое творится, что проверять некому.

Гудвин посмотрел на Антона так, что стало ясно: он очарован предсказуемостью человеческой природы. Всегда верил, что неподкупные продаются, если цена хороша, и вот подтверждение.

– Что мешает мне отнять их у тебя, Антош? Могу позвать охрану. Не думай, что в здании мы одни.

– Мешает то, что я смогу достать вам еще таких. – Антон ссыпал артефакты в мешочек и покачал им в воздухе. Рука дрожала, но не от страха, от нетерпения. – Три отдам сейчас, еще три – когда вернусь.

– Если вернешься. Ходить через двери – дело опасное.

– Ничего, я рискну.

Гудвин помолчал, будто просчитывал все варианты того,

что будет дальше. А потом прищурился, цепко вглядываясь в лицо Антона.

– Да ты дуришь меня. Они нужны тебе не из-за мамыши, ты хочешь увидеть Таню. А я-то думал, что же в тебе изменилось... Поздравляю. – Гудвин выглядел так, будто ситуация его искренне развеселила. – Первая любовь делает из мальчиков мужчин, это заметно. Тебе сколько, двадцать один, двадцать два? Пора бы уже.

– У меня была девушка, – процедил Антон, чувствуя, что позорно краснеет. – Даже две.

– Ну что ты, я не про твою нелепую возню с подружками. Я про великую любовь, которая разбивает сердца. – Глаза у Гудвина были холодные, будто с ним подобного точно не случилось. – Каждому надо разок пережить это, как ветрянку, чтобы в будущем не возлагать на любовь больших надежд. Ты не думал, что Таня при ближайшем рассмотрении окажется не такой, как ты хочешь?

«Она всегда такая, как надо», – подумал Антон, а вслух сказал:

– Мне все равно. Сказал же, дело не в ней. Я хочу повидаться с матерью.

– Когда ты кем-то очарован – это просто недостаток информации, – задумчиво пробормотал Гудвин, будто слов Антона и не услышал. – А потом узнаешь человека лучше... Разочаровывают абсолютно все.

– Особенно вы, – сухо проговорил Антон. – Знаете, у меня

много работы, я еще не всем вашим шавкам рожи начистил. Сделка состоится или я ухожу?

– Что ж, хочешь поиграть – ладно. – Гудвин поднялся из кресла. – Ты так трогательно верил, что обманешь меня. Я дам тебе то, за чем ты пришел. Жди здесь.

Прозвучало так, будто он приказывает собаке. Антон усталопустился в одно из кресел. Если это ловушка, сюда сейчас набьется куча ребят из Клана, а у него и оружия-то нет. Но ради того, что он задумал, можно и рискнуть.

Гудвин вышел через дверь в дальнем конце холла. Его шаги стихли, и здание погрузилось в бархатную тишину. Утопая в кресле, Антон представил себя богатым туристом, который въехал в отель и ждет свой приветственный напиток, как в книгах. Сейчас пойдет на ужин, будет обсуждать с кем-нибудь новые рестораны, городские новости, театральные постановки. Даже странно воображать все, чем можно было бы заняться в мире, где не надо круглыми сутками закрывать двери.

Минут через десять вернулся Гудвин. Сел в кресло напротив и выложил на низкий столик два артефакта: в виде призрачно-голубой пуговицы и такого же карандаша.

– Опережая твой вопрос: да, они сработают. В таком я бы обманывать не стал.

Голос у него был подозрительно ласковый. Антон решил это игнорировать.

– Что мне нужно о них знать?

– Это артефакты быстрого действия: просто ломаешь, и появляется дверь. Перед тем, как шагнуть в нее, представь или место, куда тебе надо, – но его ты вряд ли знаешь, – либо человека, к которому хочешь попасть. Второй артефакт действует так же. В реальном мире дверь просто растворится, как только пройдешь сквозь нее. Там они долго не живут, а ту, что здесь, надо будет закрыть – пусть твои коллеги поработают. Артефакт, который я дал тебе в феврале, чтобы ты отправил Таню домой, был особенным. Для дочери я ничего не жалел, каким бы злодеем ты меня ни считал! Двери того редкого типа исчезали сами, а обратно ты вернулся бы в тот же момент, когда ушел. Сейчас такого не жди, время будет идти как обычно. А, да: тебе будет больно пересекать границу миров. Просто терпи и заставь себя сделать шаг. Я бы тебе сказал никому не говорить о нашей сделке, но ты и так не скажешь, друзей-то у тебя нет.

Антон сгреб артефакты, бросил на стол перед Гудвином бархатный мешочек и встал.

– Дверь откроется там, где мама сейчас?

– Необязательно. Возможно, около ее дома или работы. Двери в реальном мире всегда прячут свое присутствие, открываются там, где никого нет. Есть у них какой-то собственный разум.

Антон кивнул и направился к выходу.

– И даже не спросил, имею ли я отношение к появлению бешеных дверей... – протянул Гудвин, который обожал на

прощание чем-нибудь задеть собеседника. – Не пойму, ты поумнел или утомился.

– Я знаю, что это не вы. Вы считаете город своей фермой для артефактов, зачем ее громить?

– Удачной встречи с матерью, Антон.

Прозвучало как угроза. Антон равнодушно вышел на улицу, в промозглый осенний день. Обернувшись, он увидел, что дом Вавельберга выглядит таким же заброшенным, как прежде. Фанера на окнах, лев с мечом у входа. Он забрался в машину и погнал к Страже, не обращая внимания на ограничения скорости. В последнее время лихачить он мог сколько угодно, главное – вовремя тормозить около разрушенных улиц и быстро искать пути объезда. Перепуганные горожане сидели по домам, когда могли, хоть и знали, что это не спасет: бешеная дверь могла открыться и у них во дворе.

Городские власти долбили по радио, что принимают меры, но ежу было понятно: они не больше остальных знают, как все исправить. Правила дорожного движения их уже мало волновали. Антон мчал по городу, мысленно прокладывая маршрут по неповрежденным улицам, и думал, что любит его и таким. Побитым, по-осеннему серым, пустынным, несчастным. Гудвин как-то сказал, что любовь заставляет принимать глупые решения. И сейчас любовь к этим камням и долг перед теми, кто живет среди них, были важнее всего, даже шанса увидеть маму.

Потому что Гудвин был прав: Антон пришел к нему вовсе

не ради нее.

Он все продумал. Дверь надо открыть ближе к Страже, но нельзя, чтобы его увидели из окон, а то решат, что он покончил с собой, шагнув в смертельное голубое сияние. Антон проехал мимо главного входа, свернул и остановил машину в сквере рядом с элегантным одноэтажным домиком. В те времена, когда из города еще можно было уехать, в здании Стражи был Витебский вокзал, а домик называли Императорским павильоном. В начале двадцатого века императорская семья ездила отсюда в Царское Село, затем постройка долго стояла заброшенной. Стража ею тоже не пользовалась, хотя от главного входа сюда можно пробежать минуты за три. Ходили слухи, что в этом домике творятся сверхъестественно странные вещи, но Антон вечно был слишком занят, чтобы проверить.

На всякий случай Антон отошел от павильона в сквер. Искусственная дверь, которую он открыл для Тани в феврале, была тихой, но сейчас рисковать не стоило: вдруг эта окажется бешеной? Зато найти ее будет проще простого. Любой, кто сейчас на дежурстве, узнает адрес Императорского павильона и примчится его спасать. Несмотря на мрачные легенды, павильон любили и за красоту, и за декор, про который в Страже была куча шуточек вроде «да это же моя жена, когда я забыл про годовщину свадьбы!». Навес над крыльцом поддерживали две скульптуры, отлитые из металла: женские

фигуры с обнаженной грудью и головами жутких оскаленных драконов.

Главное – сегодня на работе нет Вадика, который обычно отвечает именно за этот, Адмиралтейский район. Антон заранее проверил график, чтобы друг не помешал его планам.

Над сквером низко висели тучи, в желтой листве на деревьях ничего романтического не было, она казалась умирающей и жухлой. Ветер не шуршал, а постукивал задубевшими листьями, как костями.

Антон резко выдохнул и сжал в кулаке артефакт-пуговицу. В воздухе тут же начала проступать дверь, сотканная из искристого голубого света. К счастью, бешеной она не была, наоборот – сияла блекло, не как обычные двери, словно была их ослабленной копией. В кармане у Антона дважды звякнул почталлион Адмиралтейского района, оповещая о ее появлении.

Дверь гостеприимно приоткрылась и замерла, ожидая, пока он сделает шаг в размыто-голубой проем. Антон коснулся сияния, как проверяют воду, прежде чем нырнуть, – и отдернул руку. Сияние обжигало, точно лед, сквозь который пропускают электричество. Этим дверь не отличалась от остальных, но кое-что было необычным. Когда пальцы Антона задели сияние, по нему прокатился пугающий ярко-синий сполох. Гудвин велел потерпеть, и Антон решительно перенес ногу через порог, но упрямый инстинкт самосохранения снова заставил его отпрянуть. Да что он за слабак! Ру-

ка и нога, побывавшие за дверью, онемели, но куда хуже было то, что Антона захлестнула мучительная паника.

– Что ты делаешь? – спросил утомленный голос. – У тебя ритуальное самоубийство под стенами офиса?

Антон вздрогнул от неожиданности. С открытия двери прошло секунд тридцать, не больше. Из Стражи никто просто не успел бы добраться, но Вадик – которого и на работе-то не было! – стоял около своей машины и осуждающе смотрел на Антона.

– Ничего я не делаю, – брякнул Антон тоном хулигана, которого директор застал курящим за школой.

Он снова попытался сделать шаг за дверь – и отпрянул, выругавшись. Волевые усилия не помогли, все внутри противилось тому, что он собирался сделать. Там, где тело Антона касалось блекло-голубого сияния, оно злобно вспыхивало синим.

– Что-то с ней не так, – пробормотал Вадик. – Рассказывай.

Дверь ничего не крушила, асфальт под ногами не дрожал, и Антон решил, что полминутки у него есть. Если что-то пойдет не так, пусть хоть Вадик знает, в чем дело.

– Она особенная, через нее можно пройти. – Антон показал второй артефакт, который сжимал в кулаке. – Достал два таких. Схожу туда и вернусь.

Антон сделал еще одну попытку, но что-то снова заставило его шагнуть назад. Боль он бы потерпел, но это было

что-то похуже: беспомощность и необъяснимый мучительный ужас. Антон почти уговорил себя попробовать снова, когда Вадик отпихнул его и с профессиональным интересом сунул руку в голубоватое, будто разбавленное сияние.

– Хм... Надо же, и правда необычная. Другие обжигают, а тут я вообще ничего не чувствую. – Вадик задумчиво поводил рукой за дверь. – Бледная, тихая, ну что за прелесть! Вот бы все такие были.

Антон устался на его ладонь. Вадик изучал сияние, подцепляя его пальцами, как желе. Боли он явно не чувствовал. Никаких синих сполохов. Антон попытался сделать то же самое и с шипением отдернул руку, а Вадик даже не морщился. Дверь как будто ненавидела лично Антона и пропускать его не собиралась.

– Почему она тебя не обжигает?

– Не знаю. Может, пойму, если объяснишь, откуда эта фигня взялась. Ни разу не видел такой двери.

Антон заколебался, но все же ответил:

– Я выменял эти артефакты у Гудвина.

– А взамен что ему отдал?!

– Три синих артефакта, – виновато признал Антон.

Выражение лица Вадика стало просто неопишваемым.

– Если бы Павел Сергеевич узнал, он бы... Ох, ладно, ничего бы он не сделал. Босс у нас славный парень, но бесполезный. – Вадик попытался окончательно оттеснить Антона от двери. Тот сопротивлялся. – Да зачем тебе это надо?! О

нет, только не говори, что из-за Тани!

– Мои чувства тут вообще ни при чем, что вы привязались все ко мне! Просто Таня – наш единственный шанс. Ты был прав, бешеные двери как-то связаны с ней. Они открываются в тех точках, где она бывала.

– И ты только сейчас это говоришь?!

– А чем бы помогло? Слушай, город рушится, и я заставлю ее это остановить. Можешь меня вытолкнуть? – Антон встал спиной к проему. – Давай! Не бойся, дверь меня не убьет. Я вернусь.

– Гудвин так сказал? С каких пор мы ему верим? Может, он просто решил тебя грохнуть. Даже нет, еще удобнее: ты сам себя грохнешь!

Вообще-то Антону казалось, что дверь его действительно убьет, но он списал это на расшатанные нервы. Неожиданно вспомнил зиму, Таврический сад, вспомнил, как толкал Таню спиной в проем, а она умоляла пощадить ее. Вот сейчас он понимал ее страх.

– Раньше ты про свои махинации не мог сказать? Если бы вовремя не приехал, так и не узнал бы, да? – Вадик злобно отпихнул Антона в сторону. – Каждый раз думаю, что мы друзья, а потом вспоминаю, что ты в принципе не способен никому доверять. Ну, кроме Тани, очевидно. Как тебе башню-то сорвало.

– Да не доверяю я ей! – крикнул Антон, едва узнавая свой голос. – Я просто хочу понять, зачем она уничтожает город!

– Ты сам-то себе веришь?

Антон выпятил челюсть. Его бесило, что и Вадик, и Гудвин считают его каким-то зацикленным, когда он просто пытается разумно, взвешенно делать свою работу.

– Вадик, если все пойдет как сейчас, мы к концу года на руинах останемся. Таня куда могущественнее, чем Гудвин, ты сам знаешь. Вдруг она не нарочно, вдруг даже не знает, что здесь творится? Она может все здесь исправить, если захочет. Я ее уговорю, уломаю, заставлю, но она – наш шанс, других нет! Не верю, что она даст нам всем погибнуть. Короче, толкай меня. Сам почему-то не могу.

Антон опять повернулся спиной к проему.

– Может, в кои веки это я – любимчик дверей... – пробормотал Вадик и еще раз потрогал сияние. – Не ты, не эта твоя чокнутая. А знаешь что? Уговорил. Таня и правда темная лошадка, надо бы разобраться, чем мы ей так насолили, что она решила нас угрохать. Терять нам нечего, мы уже в заднице. Я раза по три в неделю думаю, что двери меня прикончат. Но эта мне нравится и, как видишь, взаимно. Я пойду сам. К тому же тебе Таня лапши на уши повесит, а со мной ее штучки не пройдут.

На секунду Антон возненавидел себя за то, какое облегчение почувствовал от слов Вадика. Чтобы доказать, что не трусит, он попытался все-таки сделать шаг за дверь. Сияние яростно вспыхнуло синим, холод прокатился по ноге аж до сердца, Антон всем телом дернулся, оступился и упал на ас-

фальт. Онемевшая от контакта с сиянием нога не помогла затормозить – он нелепо рухнул, ударившись плечом.

– Так бесишь иногда. – Вадик осуждающе посмотрел на него сверху вниз и поставил ногу на грудь, не давая встать. – Не дергайся и рассказывай, что мне делать дальше. И лучше бы твоему плану сработать, а то я с того света вернусь и буду тебя преследовать.

Антон торопливо пробормотал все сведения, которые могли оказаться полезными. Отдал второй артефакт. Вадик в ответ выгреб из карманов десяток жвачек Love Is, окруженных ореолом искристо-голубого света.

– Бери, пригодятся. Мои последние слова? «Закрой за мной, придунок», – сказал Вадик и вышел за дверь.

Антон с бешено бьющимся сердцем ждал хоть какого-то знака, что все хорошо – или плохо. Но сияние, поглотившее Вадика, было неподвижным, сквозь него по-прежнему слабо просвечивал Императорский павильон. Задыхаясь от стыда и грусти, Антон развернул одну жвачку и прочел на вкладыше: «Любовь – это вывести первые буквы ваших имен на каком-нибудь дереве». Вот бы все было так просто... Он угрюмо забросил жвачку в рот. Стыдно было за то, что он подверг опасности кого-то другого. А грустно – потому что хотелось еще раз увидеть Таню. Просто увидеть, даже если она откажется с ним говорить как с досадным воспоминанием о своем странном приключении.

Когда язык начало покалывать слабыми электрическими

разрядами, Антон вытащил жвачку изо рта – теперь она сияла искристо-голубым в полную силу. Он сунул ее в замочную скважину, сияние поползло во все стороны, и дверь исчезла. Антон еще постоял, глядя на огнедышащих женщин у входа в павильон, и побрел к зданию Стражи. Неизвестно, когда Вадик вернется, и вернется ли, так не стоять же здесь.

Чтобы все получилось, им нужно чудо, но где их ждать, как не в городе, полном волшебных артефактов и призрачных дверей? И если Таня – а в ее всемогуществе Антон не сомневался – остановит бешеные двери силой мысли... Пусть они больше и не увидятся, это будет лучшим завершением их истории. Элли спасает Изумрудный город, его дворцы и фонтаны, тайные сады, переулки, статуи на фасадах. Трусливый Лев перестает ждать ее и спокойно живет, охраняя город. Шагая вдоль иссохших деревьев, Антон представил себе такой финал, и на душе слегка посветлело. Будет вспоминать Таню как человека из своего прошлого, как закрытую страницу.

Ничто из того, что он воображал в те минуты, не сбудется. Финал – вот что главное в историях, из которых состоит жизнь, и суть финалов в их непредсказуемости.

Тучи сгущаются. Далеко-далеко от места, где Антон входит в здание Стражи, скоро начнется дождь. А потом Элли вернется в свой Изумрудный город – еще один, самый последний раз.

Глава 1

Сядь в поезд

*Когда так много позади
Всего, в особенности – горя,
Поддержки чьей-нибудь не жди,
Сядь в поезд, высадись у моря.*
Иосиф Бродский

Ненавидеть свою работу труднее, чем кажется. Чтобы искать новую, нужно много сил, так что лучший выход – смириться и барахтаться там, где оказалась. Платят мало, зато вовремя, должность архитектора-стажера будет неплохо смотреться в резюме. И все же...

Гром грянул под конец рабочего дня, да еще в пятницу, когда мысленно я была на свободе. Мы с нахальным пижоном Васей четвертый месяц работали в душном крохотном кабинете. Наши мониторы соприкасались краями, Васин рюкзак вечно падал на мою сумку под общим столом, но этим наше сближение ограничивалось.

Камила, владелица бюро, не смогла выбрать, кого нанять, и взяла обоих стажерами, завалив таким количеством работы, будто нас пятеро. Она то и дело говорила, что почти определилась, кого оставить на постоянную должность. Мне иногда казалось, освобожденному повезет больше, но проигры-

вать не хотел никто.

К концу октября эта гонка начала утомлять, но я не собиралась пасовать перед выскочкой с уложенной гелем челкой. Вася рано или поздно ошибется, а я нет, я слишком практичная.

– Ну что, Тань, опять пораньше скроешься? – спросил Вася, не отрываясь от экрана. – Я по карте проверял, до твоего колледжа отсюда час двадцать. Ты бы и так успевала, но выпросила себе еще пятнадцать минуток, а в сумме это больше часа в неделю. Хитро! Могу Камиле пожаловаться, если совсем достанешь.

– Я смотрю, тебе заняться нечем, – ласково ответила я, стараясь не краснеть.

Он прав, но как мелко просчитывать маршрут коллеги! И это он еще не знает, что по пятницам мне в колледж вообще не надо, у нас день самостоятельной работы... И не узнает, конечно.

Вася был старше меня года на три, и меня бесило в нем все: запах одеколона, бесформенная одежда. Чертежи у него получались лучше моих, зато мне не было равных в работе со скучной проектной документацией. Месяц назад, в свой двадцать первый день рождения, я задула свечку на пирожном и твердо поставила себе цель заработать на ремонт, чтобы не так грустно было возвращаться домой. А значит, нужно остаться здесь, выпихнув Васю из гнезда. О том, что мне придется и дальше терпеть начальницу, а еще делать в два

раза больше работы, сидя в том же уродливом кабинете, я велела себе не думать. И вот наконец появилась возможность, которую нельзя было упустить.

Камила всегда врывалась без стука, настежь распахивая дверь: проверяла, не открыто ли у нас на мониторах что-нибудь личное. В начале сентября я ухитрилась сделать домашку для колледжа так, что она не замечала, но потом Вася меня сдал, и я невзлюбила его окончательно.

– Почему из «Сельского пекаря» еще не ответили, принимают они чертежи склада или нет? – сухо спросила Камила.

Я испуганно перебрала в голове наши бесконечные проекты – и с облегчением поняла, что это один из тех, которые ведет Вася, а значит, не моя проблема. Глянула на него – и увидела нечто уникальное. Вася покраснел. Нет, даже побагровел! Любой бы сразу понял: он в чем-то облажался и от ужаса не успел притвориться, будто все в порядке.

– Василий? – В голосе Камилы позвякивал лед. – Ты же отправил им чертежи?

Ну, прощай, Вася. Подобный триумф я и представляла себе, когда мне особенно надоедали его глупые придирки. Но в реальности вкус победы оказался не так уж сладок.

Камила долго осыпала Васю ругательствами, а тот блял, как овца. Выяснилось, что чертежи он сделал неделю назад, а заказчикам отправить забыл. Когда он глянул на меня, я сделала жест, будто стреляю в него из невидимого пистоле-

та. Но мне тут же стало неприятно – получается, эта работа за три месяца превратила меня в бездушную тварь, которая пляшет на костях коллеги. Я отвернулась к экрану и притворилась, что очень занята.

А Камила не унималась. Куда разумнее было бы слегка промариновать Васю в чувстве вины за ошибку, а потом велеть ее исправить. Но прошло еще минут пять, а она все упражнялась в злобном остроумии. Некоторым просто нравится чувствовать власть, добывая того, кто и так повержен. Со стороны Васи давно не раздавалось ни звука – он сидел, понуриив уложенную гелем голову и, похоже, боролся со слезами унижения.

Мне тоже досталось: мол, почему наша «самая умная» не проверила коллегу. Это в мои задачи не входит, и во мне поднялась волна гнева от несправедливости, но я, конечно, удержала ее внутри и опустила голову.

Камиле показалось, что мы маловато раскаиваемся, Васю она назвала «тупицей», а меня «бесполезной», и я остро почувствовала: у меня вот-вот заскрипят зубы. Так меня еще не обзывали. Секундочку я позволила себе помечтать, как я ору так, что стекла разлетаются, а потом хватаю сумку и вырываюсь отсюда на волю. Потом представила, что Вася с позором изгнан, а я остаюсь одна во власти Камилы, будто какая-нибудь девчонка из сказки, поработенная злой волшебницей. Бр-р-р. С тех пор как меня ограбили в июле, я ходила как замороженная, но сейчас сочувствие к морально поби-

тому Васе и обида на Камилу пробилась сквозь слой льда.

– Извините нас, пожалуйста, – вежливо перебила я, поднимаясь со стула. – Я понимаю, дело серьезное: нам срочно нужен их ответ по чертежам, в идеале – вчера. Иначе придется сдвигать сроки, которые мы прописали в контракте. Разрешите я позвоню ребятам из «Сельского пекаря», извинюсь и попрошу быстренько утвердить чертежи, которые мы пришлем? Дело ведь не безнадежное, все можно исправить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.